

С. Б. Никонова¹

МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Значение концепции Карла Маркса для понимания экономической и политической структуры общества огромно. В первую очередь предметом марксистского анализа стало западноевропейское буржуазное общество периода его становления и расцвета в XVIII–XIX веках. Марксистская интерпретация не удовлетворяется описанием поверхностных явлений, а углубляется в анализ скрытых механизмов исторического процесса. Характеристика, даваемая Марксом, оказывается значимой и культурологически. Он описывает определенный тип культуры и связывает с его базисными особенностями широкий спектр проявлений. Представителям данной культуры они кажутся само собой разумеющимися и благими, однако Маркс не только включает их в историческую перспективу, где они приобретают оттенок условности и относительности, но и — в плане некоей герменевтики подозрения — выявляет положительные достижения культуры как обратную сторону ее негативных черт. Этим он призывает не к тому, чтобы дискредитировать данные достижения, а лишь к тому, чтобы, поняв их основания, уметь более взвешенно и осознанно использовать их позитивный потенциал.

Обратимся к такому знаменитому программному тексту К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии» (1848). На основе этого политического высказывания мы можем увидеть глубину предоставляемого классиками марксизма анализа культурной ситуации.

Первое, что Маркс и Энгельс определяют в данном манифесте, — это историческая роль буржуазии в качестве общественного класса, возникшего в определенный период времени, в определенных условиях на основе формирования определенного способа производства. Отношение авторов к буржуазии далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Они пишут: «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль»². И действительно, помимо того, что буржуазия достигает власти посредством революционных переворотов, активного свержения предшествующих общественных установлений, она производит самые кардинальные преобразования в структуре общества в целом, неведомые ни одной из предшествующих эпох: разрушает сословные иерархии, подвергает критике религию, выводит на передний план индивидуальную деятельность человека — и все лишь затем, чтобы легитимировать свое право на эксплуата-

цию. При этом главное достижение буржуазии в отношении эксплуатации состоит в том, что эксплуатация, скрытая множеством смягчающих ее общественных институтов и практик, становится эксплуатацией «открытой, бесстыдной, прямой, черствой»³. Безусловно, это увеличивает накал классового антагонизма, однако, по сути дела, в первый раз делает этот антагонизм осознанным.

Критическая рефлексия — одно из главных достижений буржуазного общества — нужна буржуазии, то есть среднему классу, для легитимации своей претензии на власть. Предшествующие правящие структуры имели возможность легитимировать свое право на власть посредством отсылки к религии, к сакральному дару, к мировому метафизическому распорядку. Возможно, некогда этот «дар» был добыт силой, однако сама сила несет в себе оттенок сакральности, ведь она внушает ужас и принуждает к подчинению — она словно бы сама несет в себе нечто божественное. Ничем подобным средний класс не располагает. Он просто накапливает капитал, его сила — в умении и хитрости (по этой причине Ф. Ницше позже назовет буржуазное общество обществом победы рабской морали). И все же, чтобы утвердить свою власть, средний класс прибегает к обращению к разуму — и не просто к разуму, а к всеобщей и всепоглощающей рациональной рефлексии над любыми ценностями и утверждениями.

В итоге происходит либерализация общественной жизни и демократизация политической структуры общества, которая была нужна буржуазным идеологам просто для утверждения легитимности своего господства. Не имея никаких «положительных» сакральных привилегий, средний класс может опираться на равенство возможностей при дальнейшем расхождении в их осуществлении. Расхождение измеряется количественно, через накопление капитала. Но в итоге, поскольку именно финансовое превосходство будет решающим моментом при распределении властных функций, демократия оказывается инструментом на службе эксплуатации⁴. Тем не менее в процессе легитимации власти буржуазии приходится радикальным образом революционизировать сознание всех слоев общества. Что и фиксируется авторами «Манифеста» в нескольких любопытных тезисах относительно национальной, культурной и образовательной политики.

Сначала авторы указывают на принципиально космополитический характер буржуазного производства и потребления. Они отмечают, что буржуазия «вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем»⁵. Посредством усовершенствования орудий про-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук, член Ученого совета СПбГУП. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), коллективных монографий «Экологическая эстетика: проблемы и границы», «Концептуализация Homo Aestheticus. История и рефлексия», учебного пособия «Сравнительная культурология. Теоретическое введение» и др.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Common place, 2013. С. 31.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 32.

⁴ См.: Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. СПб.: Азбука-классика, 2010. С. 42–43.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 33.

изводства и средств сообщения (то есть посредством технического прогресса) и вытекающей отсюда дешевизны товаров буржуазия «под страхом гибели заставляет... все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию»¹. Иначе им нечего делать на сцене торговой конкуренции, и они сами обратятся в товар.

Этот процесс, как утверждают Маркс и Энгельс, касается не только материального, но и духовного производства — и вот уже «плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием... и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»². При этом процесс создания всемирной литературы — это не процесс устранения национальных различий, но процесс включения многочисленных достижений в единую сокровищницу мировой культуры, их узнавание, анализ, перевод, ознакомление, понимание.

Но далее в «Манифесте» выявляется новое основание национальной политики в космополитическом пространстве буржуазного общества, которое становится опорой формирования идеи национальной идентичности как таковой. Обнаруживается оно, с одной стороны, в монополизации буржуазией средств производства, с другой стороны, в конкурентной борьбе между буржуазиями разных стран. Следствием монополизации и устранения раздробленности, создания единой структуры хозяйства становится политическая централизация и формирование государств, сплоченных «в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»³.

Итак, мы обретаем космополитическое пространство, разделенное на национальные государства, в которых власть централизована посредством деятельности буржуазной монополизирующей структуры, опирающейся в качестве идеологической доктрины на идею равенства граждан и на демократический принцип. В этом пространстве все имеют равный доступ к достижениям мировой культуры, что одновременно поддерживает релятивизм, критический настрой и недоверие к старым традициям, единственным противовесом которым выступает количественный и механистичный национализм буржуазного производства.

И вот здесь поднимаются вопросы образования и национальной идентичности, тесно связанные между собой. Дело в том, что национальная идентификация нужна именно для успешного осуществления конкурентной борьбы между буржуазными монополиями разных стран. В этой борьбе, по мысли Маркса и Энгельса, буржуазии нужна поддержка пролетариата и вообще всех слоев общества, которые в случае необходимости возьмут в руки оружие, чтобы защитить свое государство. Однако при низвержении всех старых традиционных и сакральных связей какая-либо возможность обосновать для эксплуатируемых слоев общества необходимость защищать свое национальное государство исчезает. В конце концов, пролетарии и все эксплуатируемые классы, с точки зрения теорети-

ков марксизма, должны осознать совершенное безразличие к тому, буржуазия какого именно государства их поработает. С чем и связан призыв: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»⁴.

Пролетариям конкуренция не нужна, им нужно объединиться в борьбе с буржуазией — причем буржуазия сама, развивая средства сообщения и информирования, необходимые ей для налаживания торговли, дает пролетариям орудия для такого объединения. Однако буржуазии нужно, напротив, разъединить эксплуатируемые классы — для чего и создается национальная идеология. Идея нации становится новой почвой для объединения всех слоев общества в том или ином государстве и новым основанием патриотического порыва. Но для того чтобы эта идеология работала, она должна быть, во-первых, доведена до широких масс населения — это осуществляется посредством распространения образования, — а во-вторых, национальные различия должны всячески изучаться и выявляться. Именно так можно объяснить начавшийся в XIX веке бум исследования фольклора, восстановления национальных языков, исследования традиций и т. п. Все это привело к становлению определенной системы конкурентоспособных национальных государств, в конечном счете вступивших между собой в мировую войну. Но также это привело и к становлению и развитию гуманитарных исследований, истории, филологии, лингвистики, антропологии, этнографии.

Мы уже видели, что с самого начала буржуазия шла просветительским путем — не случайно именно к эпохе Просвещения относятся основные буржуазные перевороты. Этот новый тип общества держится на возрастании сознательности, рефлексивности, рациональности, на критическом мышлении, на распространении политических знаний, утверждении прав и свобод. В то же время Маркс и Энгельс показывают, как все эти достижения оказываются на службе у возрастающей капиталистической эксплуатации: давая эксплуатируемым классам образование, буржуазия кует оружие против самой себя; делая эксплуатацию открытой и явной, она порождает сомнение в ее справедливости; сообщая знания, дает возможность для борьбы. Таким образом, можно сделать вывод, что хотя гуманитарные знания поощрялись ради подкрепления национальной идеологии, они сформировали наднациональное пространство многообразия. И рыночная экономика — последний прагматический оплот «реальности», препятствующий утопической феерии различий⁵.

В современных условиях глобальная экономическая конкуренция с уровня борьбы национальных государств переходит на уровень противостояния геополитических интересов. Степень вовлеченности масс в идеологию национальных различий, а стало быть, и прагматический интерес к гуманитарному знанию резко понижаются. Это может вызвать политическую апатию, но, вероятно, сохранит прагматический порыв к углублению гуманитарного образования как средству противостояния эксплуататорским тенденциям современного общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 34.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 34.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 68.

⁵ Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. С. 96.